

сценами, рисующими фронтовой быт, переходы, ночевки солдат, офицерские романы и кутежи, повседневную жизнь солдат и офицеров. Суровая жизнь тяжелого батальона показана с большим знанием дела, с массой любопытнейших деталей, бытовых и психологических.

Подлинное знание жизни отражается и в анализе глубоких социальных процессов, идущих и в армии, и в тылу, и в мастерском раскрытии человеческих характеров, и в передаче колорита времени. Писатель идет от своих личных впечатлений к важным обобщениям. В романе идет речь о событиях, непосредственным участником которых был Л. С тяжелым дивизионом, в котором служит Андрей Костров, писатель прошел нелегкий путь. За героями романа стоят реальные люди, с которыми война столкнула писателя. Отдельные подлинные факты из своей жизни Л. отдал Кострову. Не случайно упоминание города Горбатова, где герой рассказывает своим родственникам о войне. В биографическом романе «Первая министерская» под названием Горбатов изображены Черкассы, родной город Л. Однако роман «Тяжелый дивизион» не производит впечатления мемуарного, узко личного, потому что автор сумел в конкретных фактах биографического плана увидеть важный социальный смысл.

Роман «Тяжелый дивизион» лежит в русле русской лит. традиции, прежде всего традиции Л. Толстого. От русского классика писатель воспринял метод срывания «всех и всяческих масок» (например, главы «Брест», «Поставы», главы о привилегированном госпитале). Пристальное внимание писателя к внутреннему миру героев идет также от Толстого. В 1930-е отдельные критики называли Л. «советским Ремарком». Однако такое определение не соответствует ни замыслу советского писателя, ни его худож. воплощению.

Горький не был знаком с Л., но он знал и ценил его книгу «Тяжелый дивизион». Летом 1935 группа руководителей партизанского движения побывала в гостях у Горького. Память Г. И. Шелеста сохранила горьковскую оценку: «Есть вот хороший писатель Александр Лебедеико. Он написал „Тяжелый дивизион“. Замечательное произведение, и вы напоминаете мне героев его книги. Книга написана сердцем, и вам неплохо бы встретиться с такими писателями и рассказать им все, что пережили. Советую вам прочесть эту книгу».

После завершения «Тяжелого дивизиона» Л. задумывает новый роман «Лицом к лицу», повествующий о Петрограде 1918–19 (1-е изд.— Л., 1957). В новом романе — пе-

реплетение человеческих судеб, столкновение зачастую противоположных интересов, взглядов, точек зрения на события, сложные процессы, происходящие в сознании мн. и мн. героев. Из всего этого складывается достоверная картина жизни Петрограда 1918–19, когда лицом к лицу в схватке столкнулись два мира. Верный принципу, найденному в «Тяжелом дивизионе», писатель рисует жизнь Петрограда не с парадной, а с будничной стороны. Бытовой материал не превращается в привесок, отяжеляющий повествование и имеющий только исторический интерес. Он необходим писателю. Картина жизни создается описанием самых разных сторон жизни революционного города — обыски, офицерские заговоры, суровый героический быт людей революции. Позиция и пути интеллигенции волнуют писателя, на первый план выдвигается проблема выбора и сложность ее решения русской интеллигенцией (Верочка, Сверчков).

Критика незамедлительно откликнулась на выход в свет романа «Лицом к лицу» статьями В. Герасимовой «Неизбежная победа» (Новый мир. 1957. № 11), Е. Катерли «Страницы борьбы» (Звезда. 1957. № 11), А. Тамарченко «Страницы истории» (Ленинградский альм. 1957. № 13). Критики отметили актуальность и проблемность произведения, историческую точность в воссоздании сложнейшей эпохи, убедительность образов главных героев. Вместе с тем были отмечены и просчеты писателя (необязательность отдельных эпизодов и отдельных второстепенных и эпизодических героев, излишние подробности, некоторая витиеватость речи).

В 1960–70-е Л. пишет ряд повестей и романов, среди них повесть «**Зоя Сергеевна**», роман «**Шелестят паруса кораблей**» и др. произведения.

Соч.: СС: в 3 т. / предисл. Г. Холопова. Л., 1978–79; Восстание на «Святой Анне». Л., 1930 и др. изд.; Тяжелый дивизион. Л., 1932 и др. изд.; Книга о Беломорканале. М., 1934; Книга о челюскинцах. М., 1934; Лицом к лицу. Л., 1957; Ошибка в пути: повести. М.; Л., 1962; Дом без привидений. Л., 1963; Первая министерская. Л., 1963 и 1967; Шелестят паруса кораблей. Л., 1974.

Лит.: Филатова А. И. Александр Лебедеико // Звезда. 1972. № 3; Бахтин В. М. Горький о «Тяжелом дивизионе» // Нева. 1974. № 6.

А. И. Филатова

ЛЕВИТАНСКИЙ Юрий Давидович [22.1. 1922, г. Козелец Черниговской обл.— 25.1. 1996, Москва] — поэт, переводчик.

Ю. Д. Левитанский

Родился в семье служащих; первые годы жизни прошли в Киеве, куда переехала семья; во второй половине 1920-х родители переезжают в г. Сталино (ныне г. Донецк), где прошли школьные годы Л. Здесь, будучи семиклассником, он опубликовал свои первые стихи; в последующие годы печатался в газ. «Социалистический Донбасс» и «Сталинский рабочий». В 1939 Л. поступил в МИФЛИ, а с 3-го курса ин-та сразу после начала Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт. В нояб. 1941 участвовал в обороне Москвы, позднее — в боях на Орловско-Курской дуге, освобождал от фашистов Украину, Бессарабию, Румынию, Венгрию, Чехословакию, дошел до Праги. Участвовал в войне с Японией на территории Северо-Восточного Китая. Начав войну рядовым (был вместе со своим другом С. Гудзенко пулеметчиком), дослужился до лейтенанта, командовал мотострелковым отделением, был корреспондентом дивизионной газ., с 1942 — газ. 53-й армии «Родина зовет». В армейской печати публиковал стихи, очерки, сатирические произведения. С 1943 Л. печатается в центральных периодических изд. — в ж. «Смена», «Знамя», «Советский воин», «Огонек», «Сибирские огни», «Советская женщина», «Дальний Восток» и др.

После войны Л. жил в Иркутске, где до июня 1947 работал специальным корреспондентом газ. Восточно-Сибирского военного округа «Советский боец», а после демобилизации — заведующим лит. частью местного Теат-

ра музыкальной комедии. В Иркутске выходят сб. стихов Л.: «Солдатская дорога» (1948), «Встреча с Москвой» (1949), «Самое дорогое: Стихи в защиту детей» (1951) и «Листья летят» (1956). В 1952 в Новосибирске выходит сб. «Утро нового года», а в Москве — «Наши дни». В 1955 Л. возвращается в Москву, поступает на Высшие лит. курсы (окончил в 1957). В столице выходят кн. стихов Л. «Стороны света» (1959), «Земное небо» (1963), «Кинематограф» (1970), «От Мая до Мая» (1975), «День такой-то» (1976), «Сюжет с вариантами» (1978), «Письма Катерине, или Прогулка с Фаустом» (1981), «Сон о дороге» (1989), «Белые стихи» (1991) и др.

Главная проблема, которую решает Л. в своей поэзии, лирической и реалистической по преимуществу, это проблема взаимосвязи и взаимодействия человека с конкретным историческим временем. Прежде всего, поэт стремится выяснить, как и при каких условиях время способствует духовно-нравственному, гражданскому и эстетическому росту человека, его превращению в личность, в микрокосм истории, в ее неотъемлемый и активно действующий субъект. Эту проблему Л. рассматривает не умозрительно и не эпически, не на примере др. людей, а лирически, на поэтическом постижении смысла своей жизни, своего внутреннего роста, происшедшего под воздействием исторических событий, участником или просто современником которых был он сам. На пробуждение личностного и творческого начала у Л. и людей его поколения огромное влияние оказало их участие в Великой Отечественной войне. Л. не рассказывает, как он воевал, не описывает фронтовую жизнь, а стремится понять, вспоминая войну, как это время воздействовало на его внутренний рост, а для сравнения — и на его товарищей («В ожидании дел невиданных...», «Синяя лампочка», «Птицы в Кишиневе», «Как я спал на войне...», «Трубач», «Мое поколение» и др.). Много позднее, в стих. «Ну что с того, что я там был...» из книги «Белые стихи» (1991), свое восприятие войны он выразил парадоксальным афоризмом: «Я не участвую в войне — / она участвует во мне». Это значит: великая война оказала глубинное и решающее влияние на его личностное восприятие исторического времени, в свете которого все в человеческой жизни (личная судьба, рост человека как личности, худож. слово и искусство в целом, даже восприятие природы) оказалось внутренне связанным с конкретным историческим временем, несущим на себе его глубокий (а не

только внешний) отпечаток. Это своеобразный глобальный панисторизм, который, определяя развитие личности и ее мировосприятие, отнюдь не обладает свойством жесткого детерминизма, фатума или неотвратимого рока, подчиняющих себе человека, делающих его рабом хода истории, исторических обстоятельств. Глобальный панисторизм Л. нацелен на выявление в человеке личностного, свободного, творческого, духовно-нравственного начала, способного противостоять слепому ходу истории, оказывать хотя бы минимальное влияние на его развитие и не подчиняться полностью его железному детерминизму и роковой неотвратимости. Быть такой активной личностью, дееспособной частицей истории и мироздания, или не быть — зависит не столько от исторических обстоятельств, сколько от самого человека, от его личностных качеств, приобретенных во взаимодействии со временем. Л. не пишет драматических поэм, не показывает в образах людей и сюжетных коллизиях трагической сути этого взаимодействия между человеком и временем, а только поэтически осмысляет, как оно сказалось на его собственном мировосприятии и на его личной судьбе, а также на изменении характера самой истории («**Мое воскресение**», «**Время, бесстрашный художник...**», «**Сон о рояле**» и др.). При этом с наступлением зрелости Л. стремился все больше смотреть на свое внутреннее развитие, на свое личностное становление под влиянием истории отстраненно, как бы со стороны, эпически объективно. Такого цельного и панорамного взгляда на самого себя и на свою роль в истории Л. достигает в книге стихов «Кинематограф» (1970) и развивает его в книгах стихов «День такой-то» (1976), «Сюжет с вариантами: Книга пародий в двух частях с предисловием и послесловием автора» (1978), «Письма Катерине, или Прогулка с Фаустом» (1981) и «Белые стихи» (1991). Если до «Кинематографа» Л. издавал сб. стихов, то начиная с «Кинематографа» он выпускает книги стихов, в жанровом смысле этих слов, этого наименования. В отличие от сб., книга стихов — это особый поэтический жанр, в котором есть своя тема и идея, свой (как правило, лирический) сюжет и композиция. Цельность книги стихов Л. подчеркивает прологом к ней (предисл.) и эпилогом (послесл.). Книги стихов Л. по их внутренней структуре, масштабности содержания и объему родственны жанру лирико-повествовательной поэмы.

Глобальный левитанский панисторизм, лежащий в основании всего творчества по-

эта, сказался не только в его восприятии совр. ему истории, участником и свидетелем которой был он сам, но и в восприятии природы («Птицы в Кишиневе», «**Снег этого года**», «**Как показать весну**» и др.), в восприятии прошлого, особенно в восприятии лит-ры и культуры прошлого, а также в историческом понимании корней поэтического слова («**Откуда вы приходите, слова...**»). Для восприятия Л. худож. наследия показательно стих. «**Элегия**», в котором он рассказывает о восприятии им произведения своего любимого писателя — «Вишневого сада» Чехова. Прошлое здесь, как чаще всего и в др. стих. Л., оживает во сне и таким образом входит в его сознание, сливается с его сегодняшними переживаниями и размышлениями, придавая им историческую глубину: «Тихо. Сумерки. Бабье лето. / Четкий, частый, щемлящий звук — / будто дерево рубят где-то. / Я засыпаю под этот звук. / Сон происходит в минувшем веке. / Звук этот слышится век назад. / Ходят веселые дровосеки, / рубят, рубят вишневый сад». Разумом поэт понимает, что дровосеки правы и что вишневые деревья обречены, но его чувства не согласны ни с этой деловой (деляческой) правотой, ни с обреченностью красоты вишневого сада: «Но птица вскрикнула, ветка хрустнула, / и в медленном угасанье дня / что-то вдруг старомодно-грустное, / как дождь, пронизывает меня. / Ну, полно, мне-то что быть в обиде! / Я посторонний. Я ни при чем. / Рубите вишневый сад! Рубите! / Он исторически обречен. / Вздор — сантименты! Они тут лишни. / А ну, еще разик! Еще разок! / ...И снова снятся мне вишни, вишни, / красный-красный вишневый сок».

Свою философию памяти как чувства исторического и глубоко личностного Л. изложил в стихотворном триптихе «**Память**» из книги «Письма Катерине, или Прогулка с Фаустом». В первом стих. говорится о «бездне памяти», которая подобна «расширяющейся Вселенной»; это «бездна» исторической памяти, которая постоянно пополняется памятью о прошедших, чаще всего горестных и трагических, событиях и переживаниях. Во втором стих. речь идет о «небе памяти», обращенном в будущее, которое становится «с годами все идиличнее», в котором «забывается слишком пасмурное и черное, / уступая место солнечному и светлому»: «Словно тихим осенним светом душа наполнилась, / и, как сон, ее омывает теченье теплое. / И не то чтобы все дурное уже не помнилось, / просто чаще припоминается что-то доброе. / Это странное и могучее свойство памяти, / порожденное

зрелым опытом, а не робостью — / постепенно воспоминанья взрывоопасные / то забавной, а то смешной вытеснять подробностью. / И все чаще мы, оставляя как бы за скобками / и беду и боль, и мучения все и тяготы, / вспоминаем уже не лес, побитый осколками, / а какие там летом сладкие были ягоды».

Во второй части триптиха Л. размышляет, в сущности, о неписаном, но с древних времен интуитивно чувствуемом, особенно поэтами и философами, законе сохранения и умножения духовных и эстетических ценностей и идеалов, необходимых человечеству для его развития и самосовершенствования на трудных, чаще всего трагических, путях в будущее. Так, из истории христианства люди хранят не столько память о крестовых походах и церковной инквизиции, сколько об учении Христа, оказавшем и продолжающем оказывать громадное воздействие на духовное и культурно-эстетическое развитие человечества.

Однако, помня и ценя, даже идеализируя все положительное в историческом прошлом, глядя в «небо памяти», нельзя совсем забывать о трагическом в «бездне памяти», ибо, как пишет Л. в заключительной части триптиха, «небо памяти, идиллический луг с ромашками, / над которым сияет солнце и птица кружится... / от первого же движенья неосторожного / сразу вдребезги разлетается все и рушится».

Л. известен как мастер лит. пародии, как переводчик стихов поэтов Армении, Молдавии, Литвы, Латвии, Венгрии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Польши и др. стран, как противник чеченской войны. Получая в 1995 Гос. премию России, он потребовал остановить войну в Чечне. А умер он от сердечного приступа на собрании, обсуждая трагедию этой войны.

Соч.: Воспоминанье о красном снеге: стихи / вступ. статья В. Огнева «О стихах Юрия Левитанского». М., 1975; Опыт, который всегда со мной. [Беседа с И. Ришиной] // Лит. газ. 1979. 11 апр.; Два времени: стихи. М., 1980; Избранное / вступ. статья Ю. Болдырева «Дар поэта». М., 1982; Вот и живу теперь — поздний... [Беседа с Т. Бек] // Вопр. лит.-ры. 1982. № 6; Попытка оправдания: стихотворения. М., 1985; Годы: стихи. М., 1987; Я люблю твой свет и сумрак... [Беседа с Л. Анны Пугач] // Юность. 1987. № 5; Между двух небес. М., 1996; Сон об уходящем поезде. М., 2000; Памятник погибшим от любви: Слово о Вадиме Сидуре // Юность. 1988. № 11; Каждый выбирает для себя: интервью // Лит. газ. 1991. 13 февр.; — Что же из этого следует? — Следует жить...: интервью // Смена. Ленинград, 1991. 11 дек.; «Черный квадрат» искусству ничего не сулит: интервью // Лит. газ. 1992. 4 марта; Я не участвую в войне — она участвует во мне: интервью // Лит. газ. 1995. 12 апр.

Лит.: Литвинцева Л. П. Ю. Д. Левитанский. Иркутск, 1954; Яшин А. Путь к раскованности: [рец. на книгу стихов Л. «Земное небо»] // Лит. газ. 1964. 23 мая; Раппопорт Е. От имени поколения: [рец. на книгу стихов Л. «Теченье лет»] // Сибирские огни. 1970. № 8; Сидоров Е. Исполненные доброго доверья...: [рец. на книгу стихов Л. «Теченье лет»] // Лит. газ. 1970. 19 авг.; Скорина В. [рец. на кн. стихов «Теченье лет»] // Юность. 1970. № 11; Пьяных М. Кинематограф: [рец.] // Звезда. 1971. № 7; Латынина А. Жизнь моя, кинематограф... // Лит. Россия. 1972. 14 апр.; Котенко Н. Вот его карандаш коснулся уже бумаги...: [рец. на книгу стихов «Воспоминанье о красном снеге»] // Аврора. 1976. № 9; Левин Г. Необычайное — в обычном: [рец. на книгу стихов «День такой-то»] // Новый мир. 1978. № 3; Самойлов Д. Ничего обидного: [рец. на книгу «Сюжет с вариантами»] // Лит. обозрение. 1979. № 5; Красухин Г. Возрождение жанра: [рец. на книгу «Сюжет с вариантами»] // Лит. газ. 1979. 5 сент.; Иоффе С. Юрий Левитанский. // Иоффе С. Живут стихи... Иркутск, 1979; Огнев В. Фронтное поколение поэтов // Огнев В. Годовые кольца: Дневник критика. 1975–1980. М., 1980; Чупринин С. Юрий Левитанский: Евангелие от Сизифа. // Чупринин С. Крупным планом. Поэзия наших дней: проблемы и характеристики. М., 1983; Поздняев М. Рядом и чуть впереди...: Штрихи к портрету Юрия Левитанского // Лит. газ. 1983. 14 дек.; Поздняев М. А дальше будет фабула инья...: [рец. на сб. «Годы»] // Знамя. 1988. № 5; Новиков В. Юрий Левитанский // Новиков В. Книга о пародии. М., 1989; Бершин Е. Виток дороги: Эскиз к портрету Юрия Левитанского // Лит. газ. 1996. 13 марта; Кедров К. Россия, хотел бы поверить в тебя еще раз: Завещание Юрия Левитанского // Известия. 1997. 22 янв.; Гомберг Л. Война и мир Юрия Левитанского // Роза ветров в Москве: альм. Тель-Авив, 1999; Бершин Е. И ни о чем не надо беспокоиться. 80 лет со дня рождения Юрия Левитанского // Лит. газ. 2002. 23–29 янв.

М. Ф. Пьяных

ЛЕНЧ (настоящая фамилия Попов) Леонид Сергеевич [20.7(2.8).1905, д. Морозовка Краснинского у. Смоленской губ.— 28.1.1991, Москва] — прозаик, сценарист.

Отец — генерал Добровольческой армии. Впервые выступил со стихами в 1921 в Ростове-на-Дону, где учился на экономическом ф-те ун-та. Первый юмористический рассказ опубликовал в ж. «Чудак» (1929). Именно с этого времени Л. начинает постоянно работать в жанре короткой юмористической прозы. С 1934 сотрудник ж. «Крокодил». Недостигаемым, но верным для себя образцом он считал М. Зощенко, с которым начиная с 1930-х переписывался. По его словам (в одном из писем к М. Зощенко), он больше всего боялся стать простым подражателем, что ему, правда, мало угрожало по складу его